

Глава 1

Приглашение

I

Стюарт Уик и Сэмюель Лонеро

*Даменсток¹, 1043 год
8 января, Воскресенье
Забегаловка «Блэк & Уайт»
Время 17:09*

Зима нынче выдалась морозной.

Улицы замело: бриллиантами сверкали сугробы, армады снежинок кружили пируэты и порошили людские одежды, раскидистые ветви деревьев и крыши зданий украшали снежные шапочки, будто город принарядился в белые треухи.

В тёмном углу, у жарких батарей забегаловки «Блэк & Уайт», куда бесконечным потоком заплывали разодетые горожане, сидели друзья: двадцатиоднолетний скрипач Стюарт Уик и семнадцатилетний композитор Сэмюель Лонеро.

Несмотря на столь юный возраст, неоконченную среднюю школу и недавний переезд из небольшого соседнего городка в столицу, Сэмюель благодаря своему блистательному музыкальному таланту обрёл широкую известность и был очень востребован в музыкальной стезе, заключая множество сделок, в основном с режиссёрами.

¹ прим.: Даменсток – столица страны Яоки.

Однако у этой золотой медали была и обратная сторона – завистники, коим не хотелось, чтобы их место занимал приезжий необразованный мальчишка, оттого они строили ему козни, дабы разрушить строящуюся карьеру. Именно из таких передраг Сэмюеля спасал Стюарт – его лучший друг и его полная противоположность. Если композитор был чрезмерно добросердечен, то скрипач, напротив, был собран и сдержан. Даже внешне они кардинально разнились: кожа у композитора была белоснежной, тогда как скрипач был темнокожим; первый имел золото длинных волос, убранных в хвост, второй был брюнетом с зализанной набок фиолетовой чёлкой и уложенными в необычную причёску короткими волосами.

Не солгать: Сэмюель был воистину солнечным человеком. Мягкий лик всегда озаряла добрая улыбка, а большие апатитовые глаза, под которыми темнели поцелуи бессонницы, с постоянным любопытством озирались по сторонам. Характером он был очаровательно мил и чрезмерно сердоболён, и за свои семнадцать лет ещё не успел никого возненавидеть. Казалось, ни одна чёрная мысль не осквернила его ум, ни злоба, ни раздражение никогда не омрачали его лицо, обидные слова или оскорбления не крутились на его языке – он был кристально чист и душой, и совестью. Своих конкурентов и завистников он любил и уважал, чем со временем заслужил всеобщую любовь. Каждый раз при виде знакомого человека (коих, поверьте, было немало) Сэмюель распростирает руки для крепких объятий, осыпал его расспросами о делах и после внимал словам собеседника. И даже хладнокровный Стюарт не уклонялся от его объятий. Кстати, Стюарт...

Сам Стюарт и все, кто с ним знаком, согласятся, что характер его весьма тяжёл: он недоверчив и замкнут. Могло показаться, что он высокомерен, однако это не так: он совсем не считал себя лучше людей, но и других не считал лучше себя (не считая Сэмюеля, его он почитал как мастера их ремесла). Сам скрипач прекрасно понимал, что мог перегибать палку и разбрасываться не самыми приятными словами, потому старался

сдерживать себя от колкого словечка и вовремя замолкал. Абсолютно все, даже коллеги, были для него чужды и лицемерны, а близких для себя людей он мог пересчитать по пальцам.

Природа не обделила музыканта красотой: внешне Стюарт был истинным аристократом. Одетый со вкусом (в основном в светлые многослойные костюмы), увешанный различными украшениями, по-кошачьи изящный и утончённый он постоянно ловил удивлённые взгляды, чаще всего устремлённые на его лицо, украшенное белой повязкой. Никто не знал, и даже его семья не понимала, зачем ему скрывать свой целый правый глаз, однако никто вопросов не задавал – не их дело.

И вот, в сей чудный вечер друзья обсуждали очередной контракт Сэмюеля, про который Стюарт ещё ничего не слышал.

– ...так вот, как я уже и сказал, я помогал господину Затейникову с его новым проектом и больше полугода писал музыку под лирику Варо... Ворожейкина, вроде (правда, почему-то я был без полного сценария на руках и даже в глаза не видел ни Ворожейкина, ни господина Затейникова, ну да ладно!) И-и господин Затейников остался очень доволен моей работой! Представляешь, он никогда не вносил никаких правок! Вообще он тоже музыкант, как я слышал, вроде он пианист и-и... а к чему это я? А! Так вот, так как скоро состоится премьера его грандиозного мюзикла, меня пригласили дирижировать!

Стюарт хмыкнул, задумчиво ковыряя макароны вилкой.

– И где это будет?

– В Кайдерске! Я там никогда не был, но, говорят, это очень красивый город!

– Да, я слышан.

– А ты там был?

– Нет.

– А-а... не хочешь съездить? – загадочно улыбнулся Сэмюель.

– К чему вы клоните?

– Не хочешь, ну... поехать со мной? Мне одному немного страшно отправляться в незнакомое место к незнакомым людям, да и господин Затеиников не против, чтобы я привёз с собой ещё одного музыканта: у них как раз скрипки не хватает! Да и ты пока не занят, насколько помню...

– Да, я свободен, – он нахмурился. – Но почему-то от вашего рассказа об этом режиссёре мне не по себе...

– Ну пожалуйста, Стюарт, ну съезди со мной! Мне страшно одному, да и с господином Затеиниковым я ни разу не виделся, а рядом с тобой я буду храбрее и... и лучше! Вот увидишь!

– Вы и так хороши, зачем вам быть лу...

– Ну Стюарт, ну пожа-алуйста! Прошу, прошу, прошу, прошу-у!

– Хорошо-хорошо, я поеду, только не нойте!

– Ура! Обещаю, тебе понравится, я не буду тебе надоедать и вообще, клянусь, ты получишь огромное удовольствие от этой поездки и работы! Вот увидишь! В конце концов, ты там ни разу не был, так что наверняка вдохновишься и... захочешь что-нибудь написать! Тебе ведь хочется там побывать, да? Да!?

– Да-да, хочется...

Сэмюэль просиял:

– Отлично! Мы поедem завтра утром! Билеты уже куплены, господин Затеиников нас всем обеспечил!

– Ох, даже так... Оперативно, – он придержал паузу. – И у меня больше нет выбора, так ведь?

– Так ты не хочешь?..

– Нет, я поеду с вами, но...

– Ура!

– ...но у меня плохое предчувствие. Вы ведь совершенно ничего не знаете ни о Затеиникове, ни об этом мюзикле. Как вы вообще вслепую написали к нему музыку?

– Я же тот ещё фокусник, Стю, я и не такое могу! А господин Затеиников лучший-прелучший! Он добрый, вежливый и очень утиный! Так что тебе нечего бояться!